

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

УДК 821.161.1.09

DOI 10.17223/24099554/1/11

В.С. Киселев

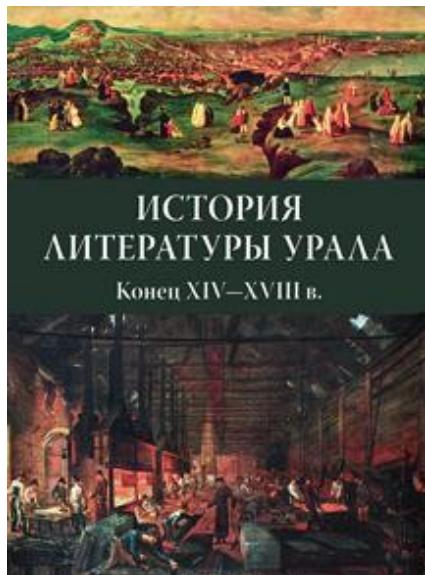
ПРОБЛЕМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРИИ

**Рецензия на книгу: История
литературы Урала. Конец
XIV–XVIII в. / гл. ред.**

**В.В. Блажес, Е.К. Созина. – М.:
Языки славянской культуры,
2012. – 608 с.**

Статья посвящена исследовательской концепции новой академической «Истории литературы Урала». Акцентируется внимание на оригинальных методологических подходах к конструированию литературной истории региона конца XIV – XVIII вв.: отношению к общерусскому литературному процессу, моделированию историко-географической динамики, учету многонациональности и типов литературных систем (фольклор, средневековая словесность, литература новоевропейского типа).

Ключевые слова: история русской литературы, литературы народов Российской Федерации, литература Урала, региональный литературный процесс.

В российском литературном регионоведении с 1980-х гг., времени выхода в свет «Очерков русской литературы Сибири», не появлялось академических трудов такого масштаба, как «История литературы Урала. Конец XIV–XVIII в.», созданная большим коллективом авторов под руководством ныне покойного В.В. Блажеса и Е.К. Созиной. Тридцать лет, прошедших между завершением одного проекта и публикацией начального тома другого, вместили целую эпоху в развитии отечественной науки, ознаменованную сменой идеологии, приходом новых теорий и методик. В этом смысле первая часть «Истории

литературы Урала» репрезентирует не только свой непосредственный предмет – уральскую словесность, но и состояние российской регионалистики, понимаемой в широком междисциплинарном смысле как поле взаимодействия гуманитарной географии, истории, культурологии и литературоведения.

Создателям «*Очерков русской литературы Сибири*» было легче в методологическом плане: представление о Сибири как особом регионе прочно утвердилось в отечественном культурно-историческом сознании и было оформлено в целостную концепцию областниками XIX в. Урал, отличаясь ярким своеобразием географического положения, местной истории и локального литературного процесса, по разным причинам не удостоился подобной концептуализации. Восполнить лакуну пришлось уже современному поколению. Закономерно, что рецензируемый академический труд вырос из запущенной с 1980-х гг. программы «Духовная культура Урала», нацеленной на сохранение, изучение и культтивацию региональной самобытности. Будучи ее частью, «История литературы Урала» доводит до логического финала работу по культурному конструированию региона, намечая его пространственные границы, предлагая свою версию истории, выстраивая местный культурный канон.

Книгу отличают взвешенность и глубокая продуманность как общей концепции, так и освещения частных вопросов. Первоочередной задачей при создании региональной литературной истории является ее выделение из истории общенациональной. И здесь коллектив авторов учел, с одной стороны, методологические принципы отечественного литературного регионоведения в его культурно-историческом (Н.К. Пиксанов, Н.П. Анциферов, М.К. Азадовский) и структурно-семиотическом вариантах (Ю.М. Лотман, В.Н. Топоров), а с другой – новые подходы, привнесенные распространением в общественных науках конструктивистских теорий. Одной из них выступили положения гуманитарной географии, позволившие осмыслить уральское пространство в его межконтинентальном, ландшафтном и природном своеобразии как предмет культурно-исторической репрезентации. Опираясь на труды Д.Н. Замятиня, Ю.А. Веденина, В.Л. Каганского, В.Н. Калуцкова и ряда других географов и развивая принципы геopoэтики, сформулированные В.В. Абашевым, авторы «Истории» обрисовывают историческую динамику в выделении и описании, в том числе самоописании, уральского пространства в текстах культуры XIV–XVIII вв.

При этом очень квалифицированно разрешается сложная проблема, связанная с проекцией современных культурно-географических представлений на исторически удаленный материал. Уральский реги-

он – многосоставное геополитическое целое, разделенное ныне на 11 субъектов трёх федеральных округов: Северо-Западного (Республика Коми), Приволжского (Удмуртская Республика, Республика Башкортостан, Пермский край, Оренбургская область) и Уральского (Свердловская, Челябинская, Курганская и Тюменская области, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа). В историческом же плане уральская территория (Прикамье, горнозаводской Средний Урал, Оренбуржье и Зауралье) на протяжении XIV–XVIII вв. входила в состав разных государственно-политических сообществ (Золотая орда, Казанское, Сибирское ханства, Ногайская орда и др.) и служила объектом презентации целого ряда этнических культур, приобретя определенную внутреннюю цельность лишь к XVIII в., времени систематического государственного строительства Российской империи. Тем самым для первого тома «Истории литературы Урала» вопрос о границах региона и объединяющем начале является наиболее острым и особо оговаривается во вступительной статье: «...культурно-историческая идентификация Урала не вполне совпадает с существующей ныне его административной локализацией. Значение каждого из указанных локусов в истории литературы также лабильно» [1. С. 22].

Основным историческим фактором, позволившим с течением времени интегрировать различные культурно-географические зоны, становится в работе русская экспансия. В этом плане можно говорить о русскоцентричности первого тома, в составе которого материал местных этнических литератур, формирующих собственное видение родного пространства, не является самодостаточным. Он рассматривается параллельно и соотносительно с презентацией Урала в текстах русской культуры, что особо подчеркивается обращением к русским литературным влияниям («Образ Стефана Пермского в коми фольклорной традиции», отдельные разделы в главе «Развитие башкирской литературы в XVI–XVIII вв.»). «История литературы Урала» позволяет проследить, как совершался процесс освоения изначально чужого этногеографического пространства, которое за несколько столетий превратилось из завоеванной территории в провинцию, тесно интегрированную с остальными частями империи экономически и культурно: «Не будучи в исторической ретроспективе тесно связанными с русскими княжествами XI—XV вв., являясь не просто присоединенными, но по большей части завоеванными землями и по этой причине географически, экономически, а подчас и психологически отчуждаясь от центра страны, уральские и зауральские владения России сделались преимущественно *русскими* составными частями империи» [1. С. 12].

Исключительная широта материала, обозреваемого в первом томе, намечает разные грани исторического освоения, далеко не ограничивающиеся художественной репрезентацией Урала, а включающие религиозные аспекты межкультурного («Житие Стефана Пермского», агиографические памятники XVI–XVII вв.) и внутрикультурного (старообрядческая словесность) взаимодействия, аспекты, мотивированные административно-политически (Строгановская, Кунгурская летописи, «История Сибирская» Семена Ремезова и другие памятники историографии) и отражающие экономические особенности региона (горнозаводские культурные гнезда и их словесность). В совокупности это создает образ чрезвычайно динамичной региональной культуры, достаточно быстро миновавшей стадию фронтира и превратившей Урал в единое пространство, сохранившее тем не менее в исторической памяти черты пограничья.

Чрезвычайно важной составляющей здесь выступает учет этнической гетерогенности. Урал богат автохтонными культурными традициями, отнюдь не растворившимися в процессе массированного ассимиляционного влияния, и вряд ли было бы плодотворным создавать местную историю литературы без фольклорно-литературного наследия башкир, удмуртов, народов коми, марийцев, мордвы или татар. Вместе с тем согласование в единой панораме различных национальных литератур ставит перед авторами трудную задачу, разрешаемую не без упущений. Так, с одной стороны, за пределами первого тома остался пласт словесности народов, не имеющих сейчас административной автономии. При очевидной невозможности объять весь материал в ограниченном книжном объеме, в подобном отборе ощущается след культурно-политического ранжирования. Подробного обзора удостоилась в работе башкирская словесность и в меньшей степени удмуртская, за которыми стоят не только большая историческая древность и художественное разнообразие, но и административный авторитет Башкортостана и Удмуртии. Если учесть при этом общую русскоцентричность «Истории литературы Урала», то картина межнациональных литературных отношений предстает, думается, существенно обедненной и, главное, лишенной плодотворного момента мультикультурных исследований – акцента на взаимной гибридизации. Так, например, показано, что словесность коми и башкир претерпевает влияние русских традиций, но нигде не говорится об обратном процессе. В результате литературное овладение Уралом сводится к пространственному освоению, чуждому подлинного интереса к местным культурам, от которых остаются лишь отдельные топонимы или мифологические образы, встраиваемые в самодостаточную систему русского регионального фольклора или письменности. Стоит

надеяться на коррекцию подобной, колониальной по характеру, модели взаимодействия в последующих томах академической «Истории».

Очевидно, ограниченное понимание межлитературных взаимодействий имеет своим истоком историческую концепцию издания, которая стремится связать историю региональную с общеимперской. Насыщенность исторического контекста в первом томе чрезвычайно велика, что позволяет его рассматривать и как заявку на академическую историю, конструирующую региональный канон. Его, с одной стороны, отличает плодотворная установка на разнообразие и возможно более полный учет акторов, важных для культурного строительства. Действующими силами русской экспансии здесь выступают и купечество, вначале новгородское, потом московское и, наконец, российское, в лице в первую очередь Строгановых и Демидовых, и церковь в разные этапы миссионерской деятельности, и центральная власть, проводящая административно-экономическую интеграцию и заинтересованная в описании региона, и, наконец, местные элиты, определяющие деловую и культурную географию региона. Последний план – один из самых насыщенных в исследовании с его широкой панорамой культурных гнезд, показываемых в становлении и развитии от первоначальных очагов (церковно-монастырские библиотеки) до подлинных центров культуры (строгановские библиотеки в Сольвычегодске, Орле-городке, Ильинском, Тобольский митрополичий дом, горнозаводские центры, Уфа, Оренбург, Тобольск в XVIII в.). Причем авторы стремятся показать внутреннюю динамику историко-культурной жизни, наличие многих действующих сил, иногда противоборствующих (церковь и старообрядцы с разными культурно-литературными традициями).

Вместе с тем по отношению к этническим культурным элитам подобный ситуативный (многоакторный), по определению А.И. Миллера, подход существенно редуцирован. Они репрезентируются как слабо расчлененные единства, выступающие преимущественно объектом имперских воздействий. Этнокультурные центры и специфика их функционирования прорисовываются в первом томе лишь номинально, на уровне знаковых фигур, обычно вовлеченных в имперское культурное строительство (В.Г. Пуцек-Григорович и становление удмуртской словесности). Иногда это не позволяет создать объемную перспективу исторической ситуации и ее культурных аспектов, как, например, в случае статуса башкир XVII–XVIII вв., на землях которых русское население было в меньшинстве и, более того, не получало от имперской власти достаточной поддержки, что определяло, помимо мощного стремления к автономии (восстания 1661–1663, 1704–1711, 1755 гг., пугачевское восстание) и особую модель межкультурных взаимодействий

(см., в частности, работу [2]. Без внимания к сложным конфигурациям этнокультурных отношений в разные эпохи картина литературного развития региона предстает, думается, обедненной).

Во многом это искупается стереоскопичным видением местной словесности, сочетающей разные элементы – фольклорное наследие, региональную историографию, памятники деловой и религиозно-учительной письменности и, конечно, художественную литературу. Подобный охват мотивирован особенностями культурного развития, в рамках которого обосновление эстетической составляющей – явление достаточно позднее, приходящееся на XVIII в. с его первыми центрами литературной жизни, местными журналами («Иртыш, превращающийся в Ипокрену», «Исторический журнал», «Библиотека ученая...») и колоритными фигурами Г.Р. Державина (оренбургского периода), П.П. Сумарокова, И.И. Бахтина, П.А. Словцова и других авторов.

История предшествующих эпох уральской словесности погружает в сложное поле культурных интересов и жанровых форм, где активным действующим лицом выступают не только создатели, но и потребители текстов. Чрезвычайно важным компонентом здесь является анализ местных книжных собраний – церковно-монастырских, крестьянских, строгановских библиотек и библиотек Акинфия Демидова, библиотек архиерейских домов. Он помогает проследить взаимосплетенные тенденции: с одной стороны, постепенное превращение уральско-сибирской словесности из сугубо периферийной, заимствующей книжный репертуар из метрополии, в более интегрированную и равноправную, позволяющую «заинтересованному человеку получить образование, достаточное для того, чтобы не потеряться среди интеллигентской элиты российского общества» [1. С. 147]; с другой – рост местного своеобразия, рождение локальной идентичности, воплощающейся в интересе к текстам об истории и культуре края. Замечательной чертой этого процесса является тонкий баланс общерусского и оригинального, позволивший уже в XIX в. состояться образу Урала как самостоятельному и значимому элементу литературной географии.

Отсутствие до XVIII в. такого феномена, как общерегиональный литературный процесс, точечный, очаговый характер местной культуры создает существенную проблему в нахождении точек пересечения. Авторам «Истории литературы Урала» удалось проделать ювелирную работу по выявлению и отбору материала, относящегося к различным пластам словесности, дабы увязать его единой логикой литературного развития. Закономерно, что для фольклора и средневековой литературы основным фактором становится локализация – либо по месту создания текстов, либо по привязке к уральским реали-

ям. Вместе с тем чрезвычайно интересным здесь становится процесс постепенного вызревания самобытной поэтики, привносящий в жанрово-дискурсивные конструкции, сложившиеся в литературе «центра», метрополии, собственные акценты – особый тип героя-первоходца, миссионера (жития Стефана Пермского, Трифона Вятского, Симеона Верхотурского и др.), завоевателя (сказания о Ермаке), позднее путешественника (от С. Герберштейна до В.Ф. Зуева), специфическое сюжетосложение, актуализирующее момент фронтирности, пересечения пространственных и культурных границ, что становится основой регионального летописания (Строгановская, Кунгурская летописи, «История Сибирская» С. Ремезова, старообрядческая историография), колоритное сочетание описательной стилистики, доминирующей в деловой письменности, со стремлением к личному взгляду, к персонализации повествования (раскольническая словесность, мемуаристика, эпистолярий). В итоге рецензируемая книга не только предлагает обзор истории уральской словесности, но и намечает важнейшие грани исторической поэтики, выходя на уровень «теоретической истории», как ее определял Д.С. Лихачев.

Следующие тома «Истории литературы Урала» предполагается посвятить XIX и XX вв. с их сложной культурной динамикой и обилием неучтенного или слабо осмысленного материала, с появлением в регионе новых национальных литератур. Они поставят перед коллективом авторов не менее трудные методологические задачи, однако плодотворная концепция и подход к освещению местной литературной истории, сложившиеся уже в первом томе, позволяют надеяться на появление фундаментального труда, этапного для отечественного литературоведения и регионалистики в целом.

Литература

1. *История литературы Урала. Конец XIV–XVIII в.* / гл. ред. В.В. Блажес, Е.К. Созина. М.: Языки славянской культуры, 2012. 608 с.
2. Азнабаев Б.А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII в.). Уфа, 2005.

References

1. Blazhes V.V., Sozina E.K. (eds.) *Istoriya literatury Urala. Konets XIV–XVIII v.* [The history of the literature of the Urals. The late 14th – 18th centuries]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2012. 608 p.
2. Aznabaev B.A. *Integratsiya Bashkirii v administrativnyuyu strukturu Rossiyskogo gosudarstva (vtoraya polovina XVI – pervaya tret' XVIII v.)* [Integration of Bashkortostan in the administrative structure of the Russian state (the second half of the 16th - early 18th centuries)]. Ufa: Bashkortostan State University Publ., 2005. 228 p.